

Тахиаос А. Е. Святые Кирилл и Мефодий накануне славянской миссии: [Гл. 5 из кн.: Тахиаос А.-Е. Кирилл и Мефодий — просветители славян] / Пер. с новогреч. иером. Дионисия (Шленова), иером. Леонтия (Козлова) под ред. В. Л. Шленова // Богословский вестник 2003. Т. 3. № 3. С. 137–164.

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ

А. Е. ТАХЕАОС
ПРОФ. ФЕССАЛОНИКИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

СВВ. КИРИЛЛ И МЕФОДИЙ НАКАНУНЕ СЛАВЯНСКОЙ МИССИИ¹

После своего возвращения в Константинополь [из Хазарской миссии] братья Кирилл и Мефодий в очередной раз расстались друг с другом. «Философ же пошел в Царьград и, повидав царя, — сообщает о Кирилле в его *Житии*, — жил тихо, молясь Богу, пребывая в церкви святых Апостолов»². Из этих слов видно, что он не возвратился ни к своей преподавательской деятельности, ни к делам в патриаршей канцелярии, но жил уединенно при храме Святых Апостолов. Впрочем, возможно ли, чтобы столь выдающийся человек, каким был Кирилл, проживал на полном церковном пансионе в праздности и бездействии? Едва ли можно согласиться с таким утверждением. Это следует как из соображений здравого смысла, так и из внимательного прочтения первой части выше процитированного отрывка — а именно мы видим, что сра-

¹ Читателю предлагается предпубликация 5-й главы из книги известного слависта А. Е. Тахеоаса «Кирилл и Мефодий — просветители славян», в настоящее время подготавливаемой к изданию на русском языке (*Tachiaos 'A. Aíμ. N. Kúρillos καί Μεθόδιος. Οί θεμελιωτές τής αρχαίας σλαβικής γραμματείας. Θεσσαλονίκη, 1992. Σ. 89—113. Англ. пер.: Tachiaos Anthony-Emil. N. Cyril and Methodius of Thessalonica. The acculturation of the Slavs. St. Vladimir's Seminary Press. Crestwood, New York, 2001. P. 55—75*). Перевод с новогреческого иером. Дионисия (Шленова) и иером. Леонтия (Козлова).

² *Житие Кирилла* 13. Лавров 1930. С. 26 (слав. текст); *Флоря* 1981. С. 86 (рус. пер.).

зу же по возвращении из миссии он посетил императора. Естественнее всего предположить, что основанием для этого посещения была необходимость сообщить о достижениях византийской миссии в Крыму и в Хазарии. Да и сам император, который следил за ходом этой миссии и оказывал ей значительную материальную поддержку, едва ли стал бы полностью освобождать Кирилла от служебных дел сразу же по его возвращении. В свое время посылая Кирилла к хазарам, император сказал ему: «Зная власть и достоинство царское, достойно ступай с царской помощью»³. Из всего указанного выше можно сделать вывод, что Кирилл продолжал оставаться в распоряжении императора и ему было поручено исполнение важных для государства задач.

В свою очередь Мефодий не остался после возвращения из миссионерского путешествия в столице, но направился на гору Олимп, место своих первоначальных монашеских трудов. Составитель его жития отчасти восполняет сведения, содержащиеся в *Житии Кирилла*: «Когда царь и патриарх увидели подвиг его столь пригодный для Божьего пути, они уговаривали его, чтобы посвятить в архиепископы на почетное место, где есть нужда в таком муже. А когда он не захотел, (все же) принудили его и поставили игуменом в монастыре, который называется Полихрон, а доход его — 24 меры золота, а отцов в нем больше 70-ти»⁴. Итак, если Мефодий, бывший помощником Кирилла в миссии, за ее успешное завершение мог быть награжден возведением в сан архиепископа, то вполне естественно предположить, что и глава миссии также не оставался в безвестности, пока жил в церковном доме при храме святых Апостолов. Напротив того, есть все основания считать, что за таинственной недосказанностью слов жития может скрываться подготовка серьезного и значительного дела, в осуществлении которого главная роль будет уготована Кириллу.

В случае Мефодия особого внимания заслуживает тот факт, что

³ *Житие Кирилла* 8. Лавров 1930. С. 11; ср.: Флоря 1981. С. 77.

⁴ *Житие Мефодия* 4. Лавров 1930. С. 71; Флоря 1981. С. 96.

на должность игумена его выдвинули император и патриарх, хотя мы знаем, что обычно игумены в византийских монастырях избирались самой братией. Непосредственное вмешательство патриарха служит свидетельством тому, что монастырь Полихрон был *ставропигиальным*, то есть учрежденным на основании патриаршего акта, и потому патриарх обладал правом назначать его игумена. Этот монастырь, неизвестный ни по каким другим историческим источникам⁵, был достаточно преуспевающим, в нем проживало в то время семьдесят монахов и, что совсем немаловажно, годовой

⁵ На Олимпе в Вифинии находился монастырь, в котором подвизался св. Феофан. Этот монастырь упоминается в двух житиях этого святого под разными именами: в древнем житии он назван «Полихрониевым монастырем» (μονή Πολυχρονία), а в более позднем — «Полихнием» (Πολύχιον). Ф. Дворник (*Dvornik 1933*. P. 210—211) не сомневается в том, что можно отождествить Полихрониев монастырь, куда был поставлен игуменом Мефодий, с монастырем, где жил святой Феофан. С этим согласен и Б. Н. Флоря (*Флоря 1981*. С. 146. Прим. 3). Тем не менее, существуют и серьезные возражения против такого отождествления. Во-первых, следует уточнить, что составитель жития Мефодия рассказывает нам именно о монастыре Πολυχρονίου или Πολυχρόνου или еще Πολυχρόνη (он сообщает, что Мефодия назначили в монастыри иже нарицаются Πολυχρονъ). То, что составитель жития не мог допустить ошибку в названии, следует из его довольно-таки немалой осведомленности: затем им приведены данные о числе монахов и о доходах монастыря. Таким образом, исключается возможность путаницы, допущенной автором жития в названиях «Полихрониев» или «Полихниев». Второе возражение против гипотезы Ф. Дворника состоит в том, что монастырь, где жил Феофан, находился у Геллеспонта, а совсем не на Вифинском Олимпе, где Мефодий прежде был монахом. Если бы он стал игуменом именно этого монастыря, ему следовало бы прежде быть переведенным с Олимпа, что не представляется вполне правдоподобным. В-третьих, такое отождествление не может быть одобрено в силу известных предсмертных слов Кирилла, сказанных Мефодию: «Ты же очень возлюбил гору (а ты любил гору вельми) [имеется в виду Олимп], но не смей ради горы оставить учительство свое...». (*Житие Мефодия 7*. Лавров 1930. С. 73; Флоря 1981. С. 97). Если бы Мефодий стал игуменом монастыря, который находился подле Геллеспонта, было бы уже неуместно говорить о горе в Вифинии. Дальнейшее обсуждение вопроса о том, возможно ли отождествить монастыри Πολυχρονίου и Πολύχιον, см.: Janin R. *Les églises et les monastères des grandes centres bysantins (Bithynie, Latros, Celèsios, Trébizonde, Athènes, Thessalonique)*. Paris, 1974. P. 207—209.

доход его составлял двадцать четыре модия золота⁶. Эти две подробности составитель жития Мефодия подчеркнул особо. Стало быть, император Михаил III и патриарх Фотий поставили Мефодия игуменом монастыря, получавшего щедрые вспомоществования из императорской казны. Могло ли это быть всего лишь случайностью? Несомненно, нет, и в этом нас вполне убеждают следующие события. Пребывание Кирилла в храме святых Апостолов и игуменство Мефодия в монастыре Полихрон было ничем иным, как некоей переходной стадией и подготовительной работой к деянию, существенно более новому и важному по сравнению со всем тем, что им удалось совершить в предшествующей жизни. Это новое и важное не замедлило осуществиться, двоим солунянам предстояло исполнить миссию всемирно-исторического значения.

И вот в 862 г. пришло послание, на этот раз из отдаленной по понятиям того времени страны: «Тогда как Философ радовался о Боге, снова другое дело пришло и труд не меньше первого. Ведь Ростислав, князь моравский, по Божиему указанию держал совет с князьями своими и моравлянами, а (потом) послал к царю Михаилу, говоря: „Хоть люди наши язычество отвергли и держатся закона христианского, нет у нас такого учителя, чтобы нам на языке нашем изложил правую христианскую веру, чтобы и другие земли, глядя на это, уподобились нам. Так пошли нам, владыка, епископа и учителя такого. От вас ведь исходит во все земли добрый закон“»⁷. В *Житии Мефодия* также содержится упоминание об этом: «Случилось же в те дни, (то есть когда Мефодий стал игуменом монастыря Полихрон), что Ростислав, князь славянский,

⁶ В славянском тексте стоит слово *спудъ* («сосуд»), посредством которого в старославянских текстах обычно передается греческое *μόδιος* (модий = 1/6 медуны). См.: Срезневский И. И. *Материалы для словаря древнерусского языка*. Т. 3. СПб., 1903. С. 473. Несмотря на то, что в византийскую эпоху модий уже не считался единицей меры золота, следует все же предположить, что доход монастыря должен был казаться весьма значительным для того, чтобы о нем специально упомянул составитель жития Мефодия.

⁷ *Житие Кирилла* 14. Лавров 1930. С. 26; ср.: *Флоря* 1981. С. 86—87.

со Святополком послали из Моравии к царю Михаилу, говоря так: „Мы Божией милостью здоровы, и пришли к нам многие христианские учителя от латинян⁸, и от греков⁹, и от немцев, и учат нас по-разному, а мы, славяне, люди простые, и нет у нас (никого), кто бы нас наставил истине и дал нам знание. Так, добрый владыка, пошли такого мужа, который нас наставит всякой правде“»¹⁰. Прежде чем приступить к более тщательному разбору этих свидетельств о послании Ростислава в том виде, как они сохранились в двух приведенных выше житийных отрывках, необходимо сказать хотя бы несколько слов о его государстве.

Страна, в которой он правил, византийским императором X века Константином Багрянородным была названа Великой Моравией (Μεγάλη Μοραβία) для того, чтобы отличить область, занимаемую ею, от той, которая находилась южнее реки Морава и именовалась «Малая Моравия». Таким образом, в данном случае термин «великая» вовсе не указывает на особую обширность страны, но на ее положение¹¹. Но где располагалась Великая Моравия? Свы-

⁸ Составитель жития Мефодия использует здесь наименование «влахи» (влахи), имея в виду латиноязычных. Я полагаю, что слово «латиняне» в точности передает именно то, что подразумевал автор жития.

⁹ Трудно установить, что на самом деле имеет в виду в этом месте составитель жития. Греки, которых он упоминает, могли быть а) клириками, пришедшими из Восточной Болгарии, б) миссионерами из Далматии, которая находилась тогда в греческой юрисдикции, или в) клириками из Венеции. Второе предположение представляется наиболее вероятным. Хотя они и были греками, однако не являлись официальными миссионерами, и, что самое главное, не сумели ввести славянский язык в богослужение и проповедь; поэтому их миссия в Моравии была затем упразднена как безрезультатная. Диттрих (Dittrich 1962. P. 88—91) полагает, что эти греки могли быть священниками, пришедшими из Константинополя «следом за греческими купцами». Хотя в источниках нет непосредственных свидетельств в пользу этого предположения, тем не менее оно видится одним из возможных ответов на поставленный вопрос. Ср. Vavřínek V. Církevní misie v dějinách Velké Moravy. Prague, 1963. P. 37—39; Haulík 1964. P. 160—162.

¹⁰ Житие Мефодия 5. Лавров 1930. С. 71, 72; Флоря 1981. С. 96.

¹¹ Константин Багрянородный. Об управлении империей / Текст, перевод, комментарий под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1989.

ше ста лет историки и слависты помещали первоначальный ее центр в области верхнего течения реки Моравы, там, где она протекает через Моравию. Оттуда, предполагали они, Великая Моравия распространилась и включила в себя впоследствии Словакию, Паннонию, южную Польшу, Богемию и отдельные части восточной Германии. На протяжении последних лет эта довольно устоявшаяся теория была оспорена и исторические исследования дали весьма убедительные аргументы для ее существенного пересмотра. Сначала появилась теория, главным образом основанная на новом истолковании источников, которая попыталась переместить эту область значительно южнее в район древнего Сирмиума, подле нижнего течения Моравы, где ныне располагается Славония¹². Согласно другому, даже более решительному, но несколько не менее убедительному предположению, отчасти подтверждаемому выводами, почерпнутыми из военной истории данной области¹³, — положение исторического центра Великой Моравии следует перенести ближе к обширной долине реки Тисса, которая течет из восточной Венгрии в Румынию¹⁴. Последняя точка зрения заметно

С. 52, 168, 338—339, 339—400. Ср.: Λουγγής Κωνσταντίνου Ζ' Πορφυρογεννήτου. *De administrando imperio*. Σ. 102—106.

¹² Профессор И. Боба предложил эту новую теорию в своей книге: *Boba I. Moravia's History Reconsidered: A reinterpretation of Medieval Sources*. The Hague, 1971.

¹³ См.: *Bowlus C. R. Franks, Moravians and Magyars: The Struggle for the Middle Danube, 788—907*. University of Pennsylvania Press, Philadelphia, 1995.

¹⁴ Эта теория была предложена М. Эггерсом в кн.: *Eggers M. Das «Grossmährische Reich» — Realität oder Fiktion?* Stuttgart, 1995, где он проводит тщательный анализ источников и предлагает их новую интерпретацию, отказываясь от ряда предрассудков, высказывавшихся учеными до него. Как теория Бобы, так и теория Эггерса породили споры в среде исследователей. См.: *Kronsteiner O. Salzburg und die Slawen. Mythen und Tatsachen über die Entstehung der ältslawischen Schriftsprache // Die Slawischen Sprache 2. 1982. S. 27—51; Birkfelner G. Methodius Archiepiscopus Superioris Moraviae oder Anmerkungen über die historische-geographische Lage Altmährens (Vorläufige Stellungnahme zu jüngsten hyperkritischen Lokalisierungsversuche) // Leben und Werk. S. 33—38; Birnbaum H. Where was the Centre of the Moravian State? // American Con-*

набирает вес среди историков и помогает до некоторой степени по-новому взглянуть на общую историческую ситуацию того времени. Конечно, если ее принять, неизбежно возникают новые проблемы, которые придется решать: скажем, каким путем Кирилл и Мефодий прибыли в Великую Моравию? Вероятно, придется предположить морское путешествие¹⁵. В чьей юрисдикции находился этот регион согласно церковным канонам — Рима или Константинополя? В любом случае, какая бы из этих теорий ни была в конце концов принята, в сущности это ничего не переменит как в понимании значения и важности деятельности Солунских братьев среди славян, так и в признании их поистине колоссальной культурной роли в жизни этого нового народа, которому предстояло теперь динамично выступить на историческую сцену Европы.

Великая Моравия была первым из известных нам славянских княжеств, возникших в Центральной Европе, происхождение ее, однако, теряется во мраке¹⁶. Впрочем, раньше, в VII веке, приблизительно на том же месте было основано другое славянское княжество, история которого выглядит довольно таинственной. В 623 году славяне, которые были поработены аvaraми, подняли

tributions to the Eleventh international Congress of Slavists. Columbus, OH, 1993. P. 11—23; *его же*. The Location of Great Moravia Revisited // BS 54. 1992. P. 336—338; *его же*. Zum (hoffentlich) letztenmal über den weitgereisten Method und die Lage Altmärens // BS 57. 1996. P. 188—193.

¹⁵ Ф. Дворник (*Dvornik 1933*. P. 207, 248, и *Dvornik 1970*. P. 307—314) предполагает, что путь Кирилла и Мефодия в Моравию, вероятно, проходил по морю из Дуррахия в Венецию. Ср.: *Dimitroukas I. Ch. Reisen und Verkehr im Byzantinischen Reich vom Anfanges 6. Jhr. Bis zu Mitte des 11. Jhr. Athens 1997. Band I. S. 161, 261—262; Band II. S. 502.*

¹⁶ Библиография о Великой Моравии весьма богата, особенно связанная с археологическими раскопками в центрах, находившихся в состоянии расцвета в те дни, когда страну посетили Кирилл и Мефодий. В прибавление к тому, что содержится в работах Дворника: *Dvornik 1933*. P. 212—247, и *Dvornik 1970*. P. 73—104; см. также: *Havlík 1964*, и *Děkan J. Velká Morava. Doba a umění. Praha, 1980*. К обстоятельной и весьма объективной статье *Grauss 1966*. P. 133—262 также приложена обширная библиография. См. также сборники: *Magna Moravia 1965; Великая Моравия 1985.*

против них восстание. Их соседи франки также не остались безразличными к этому восстанию и, хотя сами они в нем почти не участвовали, однако всячески поддерживали. Предводителем славян стал галльский купец Само, добившийся объединения повстанцев и, в конце концов, подчинивший их своей власти¹⁷. Его владычество простиралось на область, границы которой определить точно не представляется возможным, но, по меньшей мере, в нее входили Моравия, Богемия и Южная Австрия или Каринтия. Ее столицей был Богастисбург, город, местоположение которого историкам так и не удалось установить. Франкам казалось, что национальное происхождение правителя должно доставить им благоприятную возможность для упрочения своего влияния в созданной им стране, только сам Само думал иначе. В конце концов он добился полной независимости своей страны, исчезнувшей навсегда около 659 г., вскоре после его смерти.

Затем источники умалкают на полтора столетия, и о славянском государстве в этих землях больше не упоминается вплоть до девятого века. В апогее своего могущества Карлу Великому (768—814) удалось распространить владычество на пределы современной Чехии и положить конец независимому существованию Баварии. Немаловажную роль сыграл англосаксонский монах (впоследствии причисленный к лику святых) Бонифаций, в первой половине восьмого века он занимался миссионерством среди германцев и основал в Баварии четыре епархии: в Зальцбурге, Фрайсинге, Ратисбоне (нынешний Регенсбург) и в Пасау. Хотя в результате современных исторических исследований все менее вероятной представляется возможность проповеди христианства в Моравии ирландскими миссионерами, тем не менее все больше подтверждений находится тому, что именно из церковных цент-

¹⁷ Самон упоминается в Хронике Фредегария Схολастика (Fredegarius Scholasticus), где говорится: «Anno 40 (т. е. 623) regni Chlothariae homo nomen Samo natione Francos de pago Senonago plures secum negotiantes advicit, exercendum negociem in Sclavos coinoment Winedos perrexit» (MMFH. Vol. I. Annales et Chronicae. P. 20.).

ров Баварии пришли в эту славянскую страну первые миссионеры¹⁸. Уже в 822 г. в *Анналах Франкского королевства* упоминается страна Моравов¹⁹. В том же году франки поддержали создание аварославянского государства в Паннонии (нынешняя Венгрия), на которое алчными взорами смотрели болгары, тюркское племя, находившееся на пути славянизации. Несколько позже, в 830 году, моравский князь Моимир изгнал из Нитры, города на территории современной Словакии, тамошнего правителя Прибину, который пытался опереться на помощь франков. Таким образом, славянское государство объединяется. Все эти сведения, наряду с другими, им подобными, происходят исключительно из латинских источников. Они несколько расширяют наши знания о возникновении Моравии, однако их совершенно недостаточно для того, чтобы можно было удовлетворительно объяснить, каким образом это знаменитое впоследствии славянское княжество появилось столь внезапно²⁰.

В ту пору, когда в Моравии уже сложился монархический, централизованный строй правления, то есть один князь стоял во главе всей страны, в Богемии все еще не было единовластия. Нам известно, что около 828 г. в городе Ратисбоне крестились 14 чешских князей²¹. В конце концов и Богемия присоединилась к Великой Моравии, как ранее это произошло со Словакией. Все это, впрочем, нисколько не означает, что вся страна уже тогда осознавала себя единым целым. Наряду с общим, понятным для всех язы-

¹⁸ О миссиях в Великой Моравии до Кирилла и Мефодия см. *Dittrich 1962*. P. 1—91. Ср.: *Vavřínek V. Předcyrilometodějské misie na Velké Moravě // Slavia 32. 1963. P. 465—480.*

¹⁹ *Annales regni Francorum // MMFH. Vol. I. P. 49—50.*

²⁰ Ф. Граусс (*Grauss 1966. P. 160*) замечает: «Si nous apprécions les sources sobrement et à leur juste valeur, nous sommes obligés de constater qu'en ce qui concerne les débuts de l'Empire de la Grande-Moravie, nous n'en savons rien». («Если беспристрастно оценить реальное достоинство этих источников, то мы вынуждены признать, что о начале империи Великой Моравии нам ничего не известно»).

²¹ *Annales Fuldenses // MMFH. Vol. I. P. 89.*

ком²², другим фактором, способствовавшим появлению у славянских племен чувства единения, был князь и его авторитет, как вполне ясно видно из того, что страна Само сразу же ослабела и распалась, лишившись единовластного правителя. Сомнительно, существовало ли в Моравии знатное сословие, хотя археологические данные и позволяют допустить наличие в ней определенных социальных различий. Погребальные предметы из захоронений, найденных в моравских землях, говорят об этом с достаточной определенностью, хотя могилы, бесспорно принадлежащие князьям, пока не обнаружены²³.

В Великой Моравии уже существовали городские поселения, обыкновенно неподалеку от рек. Не найдено развалин обособленных крепостей, предвещавших развитие феодального общественного строя. Некоторые из этих поселений играли важную роль и были достаточно известны, как, например, Старе Место (или Велеград), возможно, бывшее первоначально столицей, или Микульчице. Подобно другим поселениям, они были укреплены. В них развивалась духовная, общественная и политическая жизнь. Согласно оценкам исследователей, в городской черте Микульчице²⁴ проживало около трех тысяч человек²⁵. Открыты двадцать храмов, восходящих к эпохе Великой Моравии²⁶. Из них двенадцать

²² О старославянском языке этой эпохи и его отношении к языку Великой Моравии см.: *Bauer J.* Старославянский язык и язык жителей Великой Моравии. Сопоставление синтаксического строя // *Magna Moravia* 1965. P. 469—492.

²³ *Grauss* 1966. P. 181—184. Ср.: *Ratkoš P.* Великая Моравия — территория и общество // *Великая Моравия* 1985. С. 89—94.

²⁴ *Poulik J.* Mikulčice. Sídllo a pevnost knížat velkomoravských. Praha, 1975.

²⁵ Строениям в Микульчице посвящена статья *Stoukal M.* Struktura obyvatelstva velkomoravských Mikulčic // *Archeologické rozhledy*. Vol. 14. 1962. P. 61—83.

²⁶ В пространной статье Рихтера (*Richter V.* Die Anfänge des grossmährischen Architektur // *Magna Moravia* 1965. S. 121—360) даны подробные сведения и обширная библиография как о храмах, которые существовали в Великой Моравии до прибытия туда Кирилла и Мефодия, так и о построенных позже. См. также: *Dvornik* 1970. P. 81 sqq.

находятся в Микульчице, четыре в Старе Место и по одному в Поханско, Бржеславце, Братиславе и Дучо. Большинству из них присущи черты западного происхождения, неоспоримо свидетельствующие о присутствии деятельных баварских миссионеров. Они относятся к периоду времени с седьмого по десятое столетие. В одном из главных храмов Микульчице можно усмотреть сходство с типом архитектуры, господствовавшим в Адриатике с девятого по одиннадцатый век, это подтверждает наличие связей Моравии с Аквилейской Патриархией. Когда в *Житии Мефодия* упоминается об «учителях от латинян», то несомненно речь идет о миссионерах, пришедших оттуда.

Однако самым большим в Микульчице был трехнефный храм длиною в тридцать пять и шириною в девять метров, построенный в начале девятого века. Вокруг него находятся свыше четырехсот гробниц, несколько других, каменных, найдено внутри храма. Его нартекс и атриум надстроены во время пребывания византийской миссии на территории Моравии. Этот храм был кафедральным, в нем находился также и баптистерий. Уникальным в своем роде сооружением была ротонда в Микульчице с двумя апсидами, она также, скорее всего, создана в начале девятого века. Пожалуй, и она может свидетельствовать о влиянии Византии, там храмы подобного типа, сориентированные вокруг центра, существовали задолго до девятого века. Церковное здание, обнаруженное в местности, называемой *На Спиталках*, в западной части Старе Место, возможно, также обладает некоторыми чертами сходства с византийской архитектурой и было построено в эпоху Кирилла и Мефодия. Рядом с ним был найден медальон с изображением охотящегося всадника с соколом. Обнаружены и другие предметы, указывающие на существование отношений Моравии с Византией. Открытые в раскопках фрагменты тканей, ювелирные изделия и произведения кузнечного дела говорят о связях с византийским миром, относящихся даже ко времени еще до возникновения Великой Моравии. Сохранились известия о том, например, что в седьмом веке некий византийский чеканщик жил при

дворе аварского князя в окрестностях Земьянска²⁷, похоже на то, что изделия, созданные в греческих мастерских, ввозились в моравские земли из византийских провинциальных центров или из Крыма.

Ритуальные предметы, использовавшиеся при захоронениях, свидетельствуют о том, что в течение всего IX в., наряду с христианской практикой, продолжали сохраняться языческие обычаи и обряды погребения. В гробницах обнаруживаются, подчас, обол Харона²⁸, плоды, керамическая посуда, лекифы с продуктами, яйца и т. п. Разнородные погребальные находки более свидетельствуют о различиях в образе и обычаях захоронения, чем о утвердившейся дифференциации в структуре общества. С эпохи образования Моравского государства тела перестают сжигаться и начинают предаваться земле. Это, по всей видимости, произошло не столько в силу принятия христианства (поскольку погребение тел появляется прежде), сколько под воздействием обычаев какого-либо соседнего народа. Сосуществование сожжения и погребения наблюдалось на протяжении довольно длительного времени и после принятия христианства²⁹. Важнейшие археологические находки эпохи государства Великой Моравии найдены в обширном районе, простирающемся от восточного берега реки Дия в центральной Моравии до реки Нитра в западной Словакии. Эту область можно назвать колыбелью и очагом культуры государства Великой Моравии.

Когда некоторые историки говорят о государстве Великой Мо-

²⁷ См.: Svoboda B. Poklad byzantského kovotopce v Zemianském Vrbovku // Památky archeologické 44. 1953. P. 33—108.

²⁸ См. статью Vauřinek V. Charónuv oboloc' na Velké Moravě // Numismatické Listy XXV/2. 1970. P. 33—41 и рецензию на нее Х. Папастафиса (Χ. Παπαστάφης // СМ 1. 1971. Σ. 218—219), где обсуждаются различные точки зрения относительно происхождения этого обычая. Ср.: Hošek R. Antique Traditions in Great Moravia // Magna Moravia 1965. P. 71—84.

²⁹ Grauss 1966. P. 177—178. Ср. замечания Ф. Дворника на статью Ф. Граусса, опубликованную в Das grossmährische Reich (Prague, 1966. См.: Grauss 1966). P. 260—261.

равии, они называют его «империей». Думается, что в данном случае этот термин едва ли уместен. Вне всякого сомнения, государство, столь неожиданно появившееся на исторической сцене в первые десятилетия девятого века, находилось на подъеме и переживало период стремительного расширения, однако оно не успело еще приобрести отличительных черт настоящей империи. Если и была какая-либо характерная особенность, которая в историческом плане возвышала его и вводила в число успешно развивающихся стран, то именно присутствие братьев Кирилла и Мефодия и их миссионерская деятельность. Великая Моравия не сумела достичь такого уровня государственного устройства, какое мы находим в Византии или даже во франкском государстве, не пробудила у людей, живших в ней, чувство патриотизма³⁰. Это был народ, слагавшийся из обособленных однородных славянских племен, собранных под эгидой власти одного вождя. Когда такой вождь умирает, перестает существовать и воплощенное в нем государственное начало. Совсем не похоже, что было сколько-нибудь единоеобразное велико-моравское национальное сознание, хотя бы отчасти сопоставимое с тем, которое пробуждалось у южных соседей — болгар³¹. Моравия могла бы быть названа империей разве что в том смысле, что вождь ее объединял под своим владычеством несколько славянских племен, хотя перед этим они не обладали какой-либо государственностью. Далее, у нас нет достоверных сведений о ранге и уровне притязаний их вождя. Титул его, появляющийся исключительно в посвященных деятельности Кирилла и Мефодия латинских и славянских источниках, может быть приравнен к титулам «князь», «архон», «дука» или «гех» (король), однако никак не к византийскому «василевсу» или славянскому «царю», прямо указывающим на императорское достоинство³². Помимо того, здесь же следует отметить, что Моравия оказалась не в состоянии проводить достаточно дальновидную внешнюю по-

³⁰ *Grauss 1966*. P. 216.

³¹ См.: *Angelov D. Obrazuvane na bǎlgarska narodnost*. Sofia, 1971.

³² *Grauss 1966*. P. 173. Прим. 5.

литику и противостоять германской опасности, постоянно угрожавшей ей, перед которой она в конце концов вынуждена была капитулировать. Не удалось ей и оказать заметного культурного влияния на народы, окружавшие ее. Последнее предполагало определенную самостоятельность умственного и духовного развития, которого как раз и не доставало Моравии. Впрочем, такое неудовлетворительное состояние дел стало существенно меняться после прихода сюда Солунских братьев, их деятельность повлияла не только на внутреннее устройство общественной жизни Великой Моравии, но и на положение этой страны среди культурно развивающихся народов.

Если прочесть внимательно сведения, приводимые в житиях Кирилла и Мефодия, о послании Ростислава к императору Михаилу, можно сразу отметить, что они не вполне совпадают между собою. Согласно *Житию Кирилла* Ростислав просил императора прислать в Моравию епископа и учителя для наставления людей, уже обратившихся в христианство, на родном для них языке. Основанием для этого было то, что «добрый закон» пришел из Византии (*штъ васъ бо на вса страны вьсегда добрын законъ исходитъ*)³³. В *Житии Мефодия* дело представлено несколько иначе. Согласно этому житию, моравы попросили учителя, который наставил бы их в истине и преподавал знания (*иже исправить вьсакоу правьдоу*)³⁴. Сведения, приведенные составителем жития Мефодия, были отчасти скорректированы после событий, которые произошли в Моравии в конце его жизни, т. е. когда борьба его за утверждение Православия была позади. Под воздействием новых обстоятельств жизни позабылся первоначальный смысл послания Ростислава, который сохранен неповрежденным составителем жития Кирилла. Известие об этом послании, данное им, достаточно точно соответствуют историческим фактам, в согласии с ним вполне последовательно и логично выстраивается совокупность политичес-

³³ *Житие Кирилла* 14. Лавров 1930. С. 26; Флоря 1981. С. 87.

³⁴ *Житие Мефодия* 6. Лавров 1930. С. 72; Флоря 1981. С. 97.

ких и духовных факторов. Ростислав искал укрепления отношений с Византией, так как испытывал угрозу и со стороны германцев, и со стороны болгар³⁵. Связь с Византией доставила бы ему политическую поддержку, поскольку греческий император был в состоянии оказать давление на болгар, угрожавших Моравии с юга. Однако в то же время он просил послать епископа и желал появления письменного наставления на славянском языке, на котором говорили моравы.

В связи с желанием Ростислава получить епископа нам следует согласиться, что он несомненно стремился к тому, чтобы моравская Церковь приобрела независимость от церковной юрисдикции Баварии. Немецкий клир происходил из страны, которая не могла считаться дружественной, поскольку у нее были захватнические территориальные притязания на земли, принадлежавшие Моравии или тяготевшие к ней. Однако помимо этого, за просьбой послать епископа проглядывает стремление к возвышению Церкви Моравии в ранг архиепископии³⁶. Ростиславу как правителю хотелось

³⁵ Причины, побудившие Ростислава обратиться к Византии, и пути, при помощи которых ему удалось добиться исполнения своей просьбы, продолжают и поныне оставаться вопросами, интересными для исследователей, и, несомненно, вызывают определенные разногласия. Каждый ученый рассматривает ее со своей точки зрения и приходит, в большинстве случаев, к заключениям частного характера, в значительной степени расходящимся с выводами других. Большим значением обладают, безусловно, суждения историков, в особенности тех, кто специально занимался данными вопросами, таких как Ф. Дворник (*Dvornik 1933*, P. 226—236). Ср.: *Celj F.* Византийское посольство Великой Моравии на политическом фоне тогдашней Европы // *Magna Moravia 1965*. P. 85—119, и *Grivec F.* Konstantin und Methody Lehrer der Slaven. Wiesbaden, 1960. S. 54—57.

³⁶ В. Н. Флоря (в статье: *В. Н. Флоря.* К вопросу о целях моравского посольства в Константинополе (начала 60-х годов IX в.) // *Славянские древности. Этногенез. Материальная культура Древней Руси.* Киев, 1980. С. 107—117) высказывает мнение, согласно которому Ростислав выражал намерение подчинить Церковь Моравии Константинопольской Патриархии при том условии, что полномочия последней простираются вплоть до границ Великой Моравии, и, таким образом, соблюдена ее географическая непрерывность. Достижение этой цели предполагалось осуществить за счет расширения Великой Моравии до границ Болгарии, уже находившейся под юрисдикцией Вселенской

иметь рядом с собой достаточно независимого церковного руководителя, представлявшего учреждение, которое утверждало бы и укрепляло его собственное владычество. Он совершенно безбоязненно мог просить послания епископа у отдаленной Византии, не имевшей никаких видов на Моравию.

Наряду с вопросом о церковной независимости Моравии, просьба Ростислава о письменном славянском наставлении ставит во всей его серьезности вопрос о культурной и духовной свободе. Церковная независимость первого в мире собирающегося воедино христианского славянского государства и появление возможности получать образование на родном языке могли бы стать средствами, при помощи которых Великая Моравия создала бы предпосылки для своего перехода из потенциального и неразвитого состояния к настоящей и могущественной имперской державе. Славянское просвещение, которое из Великой Моравии изливалось бы на прочие славянские народы и племена, придало бы ей духовный авторитет, и обеспечило бы ей ведущую роль во всем славянском мире. За простыми и немудреными выражениями в послании Ростислава к императору Михаилу таится отчетливая и дальнозоркая политическая перспектива огромного исторического масштаба. Может несколько озадачить только тот факт, что Ростислав просил у Византии славянского письма и славянского писанного слова с полной уверенностью, что получит просимое, будто бы зная о существовании уже готового варианта или о том, что греки вполне способны к его подготовке³⁷. Но было ли ему что-нибудь извест-

Патриархии. Далее В. Н. Флоря отмечает, что о Великой Моравии не так уж много знали в Византии, этим могла быть обусловлена определенная осторожность действий, предпринятых после получения послания Ростислава. Вместо епископа в Моравию были посланы патриарший клирик, Кирилл, и простой монах, Мефодий. Несмотря на то, что факты и обстоятельства, указанные В. Н. Флорей, в основном верны, все же его доводы не представляются достаточно убедительными.

³⁷ Именно это ожидание является обстоятельством, ослабляющим силу довода В. Н. Флори (см. предыдущую сноску) о том, что в Византии мало что было известно о Моравии.

но? Следующая часть в повествовании составителей житий Кирилла и Мефодия предлагает нам незамедлительный ответ.

Император Михаил, выслушав просьбу посольства Ростислава, тотчас вызвал к себе Кирилла (вероятнее всего на заседание царского синклита) и сказал ему, что, несмотря на утомление от предыдущей миссии, ему непременно следует отправиться в Моравию, потому что никто другой не в состоянии будет справиться с таким поручением³⁸. Кирилл согласился исполнить повеление императора с условием, чтобы моравы имели «буквы для их языка». Именно из слов Кирилла становится понятным, что Ростислав просил о получении письменного славянского слова. На возражение Кирилла император ответил: «Дед мой, и отец мой, и иные многие искали их (т. е. буквы славянского алфавита) и не обрели, как же я могу их обрести?» И составитель жития продолжает: «Философ же сказал: „Кто может записать на воде беседу и (кто захочет) прослыть еретиком?“ Отвечал же ему снова царь с дядей своим Вардой: „Если захочешь, то может тебе дать (их) Бог, Который дает всем, кто просит без сомнения и открывает стучащим“³⁹. Кирилл подчинился и, помолившись вместе со своими сотрудниками, сразу взялся за дело. И Бог, который слышит молитвы своих рабов, быстро открыл ему (письмо), и тогда он изобрел буквы и начал писать слово Евангелия: „В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог“ и прочее». В *Житии Мефодия* события излагаются сходным образом: по тексту жития Кирилл с готовностью подчинился императорскому повелению и, позвав своего брата Мефодия и тех, «кто были таких же мыслей, как и они» (на молитвоу сѧ наложиста и съ нѣмѣи, иже благоу того же доуха)⁴⁰, он вместе с ними предался молитве. «И здесь явил Бог философу славянское письмо. И тот быстро создал письмена и составил (из них) беседу»⁴¹. Столь простыми и незатейливыми сло-

³⁸ *Житие Кирилла* 14. Лавров 1930. С. 27; Флоря 1981. С. 86, 88.

³⁹ Там же.

⁴⁰ *Житие Мефодия* 5. Лавров 1930. С. 72; Флоря 1981. С. 96, 97.

⁴¹ Там же.

вами два составителя житий сообщили человечеству о факте всемирного значения — о создании славянского письма, событии, которое ввело славян в круг передовых культурных народов и заложило основы для развития их культуры.

Из вышеизложенных свидетельств становится очевидным, что первооткрывателем славянского письма был Кирилл, и что в деле создания письменного славянского слова, кроме него и Мефодия, участвовали и другие лица, которых составители житий называют «сотрудниками»⁴² или же «теми, кто были таких же мыслей, как и они». В том, что только Кирилл был творцом славянских букв, не возникает совершенно никаких сомнений, поскольку здесь вполне согласны друг с другом все свидетельства славянской древности. Но роль его сотрудников нуждается в определенном уточнении. Эти сотрудники не появились внезапно и случайно, но уже существовали, и безусловно все они, вместе с Кириллом и Мефодием, работали сообща и по одному плану. Это хорошо заметно из выражения составителя жития: «И тут Бог открыл философу славянское письмо». Слово «тут»⁴³ указывает здесь не только на место, где все они работали вместе с философом Кириллом, но, пожалуй, и на то, что сам составитель жития был одним из сотрудников. Относительно роли сотрудников имеется весьма логичное и вразумительное толкование, сделанное болгарским писателем XV в. Константином Костенецким. В своей работе, посвященной славянскому письму, он пишет о Кирилле: «...некоторые говорят, что Константин Философ (т. е. Кирилл) перевел первым. Пусть так, я с этим согласен, однако он был руководителем, и,

⁴² Составитель жития употребляет выражение и съ инѣми съспосѣшники. Понимаются ли здесь «сотрудники» или «приверженцы» зависит от того, стоял ли в греческом языке определенный артикль перед этим словом или нет. См.: Miklosich F. *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum*. Vienna, 1963. P. 947.

⁴³ да тоу тави богъ философу словѣньскыи книги. Заслуживает упоминания, что косвенное указание на место, где было создано славянское письмо, содержится не в *Житии Кирилла*, но в *Житии Мефодия*. Это означает, что составитель жития Мефодия сам присутствовал в том месте («тут»), когда Кирилл создавал письмо.

как посланный своим господином... он избрал из всех племен людей, знавших греческую письменность и славянские языки. В ту эпоху греческий скипетр был очень могущественным, и замечательные люди всех народов служили ему»⁴⁴. Точка зрения старинного болгарского филолога, думается, недалеко от истины и ведет к правильному пониманию меры участия сотрудников в деле Кирилла и Мефодия⁴⁵. Но попытаемся взглянуть на вышеизложенные сведения по порядку.

Император Михаил III сказал Кириллу, что во время правления его деда, то есть императора Михаила II (820—829) и его отца, Феофила (829—842), искали славянскую азбуку, но так и не нашли. Это известие может быть понято в свете одного из двух предположений: или византийцы выясняли, имеют ли славяне азбуку, и пришли к отрицательному заключению; или же они сами попытались составить азбуку для славян, но безуспешно. Первое предположение представляется менее вероятным, если принять во внимание, что двум императорам незачем было проявлять особый личный интерес по поводу заурядного внешнеполитического вопроса, сведения о котором должны были быть доступны любому государственному служащему. Кроме того, высказывание императора Михаила предполагает неудачу официального дознания, пред-

⁴⁴ Ягич В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. СПб., 1895. С. 109; Goldblatt H. Orthography and Orthodoxy. Constantine Kostenečki's Treatise on the Letters // *Studia storica et philosophica* XVI. Firenze, 1987. P. 120, 240.

⁴⁵ Заметки К. Костенецкого разбираются в работе: Tachiaos A.-E. L'oeuvre littéraire de Cyrille et de Méthode d'après Constantin Kostenečki // *Balkan Studies* 14. 1973. P. 293—302. Ср.: Haralampiev I. Konstantin Kostenečki i Gregorij Camblak za deloto na Kiril Filosof // *Konstantin Kiril Filosof* 1971. S. 188—197; Петков Г. Взгляд Константина Костенецкого на литературный язык славянских народов // *РВ* IV. 1980/1. С. 92—99 и Angelov B. St. Starobâlgarskijat kni'ovnik Konstantin Kostenečki za deloto na Kiril i Methodij // *Angelov B. St. Starobâlgarsko knihovno nasledstvo*. Vol. I. Sofia, 1983. S. 83—87. Совершенно очевидно, что Г. Петков неправильно понял мои положения в вышеуказанной статье и поэтому перетолковывает мое мнение (с. 95), говоря, что я недооцениваю вклад Кирилла в дело перевода.

принятого по императорскому указу. Таким образом, мы приходим ко второму предположению, которое представляется более логичным с исторической точки зрения, и потому вполне приемлемым. Огромный славянский мир, располагавшийся за северными границами Империи, был важнейшим направлением для ее внешней политики, областью, где ее влияние могло в высочайшей степени усилиться через приобщение славян к основному благу культурного мира, письменности. Что приобщение это входило в планы Империи, ясно видно из ответа Михаила на послание князя Ростислава, когда первый, как мы увидим, пишет ему, что посылает ему в дар письменность, которая драгоценнее золота, серебра и драгоценных камней.

Значит, скорее всего, «славянский проект» Империи начал приводиться в исполнение еще задолго до Кирилла и Мефодия, и сами они были только в подходящий момент к нему привлечены. То, что говорит Константин Костенецкий о круге сотрудников Кирилла — опирается ли он на не дошедшие до нас исторические сведения или высказывает свою личную точку зрения — в любом случае предлагает нам достаточно логичное объяснение. Могущественный византийский император, избирая из разных народов, признавших его самодержавную власть, подходящих людей с выдающимися качествами, собрал славяноязычных греков и славян, овладевших греческим языком, и поручил руководить ими высокопоставленному лицу из окружения патриарха, дипломату и филологу Кириллу. И так, можно предположить, что существовал целый круг людей, трудившихся для осуществления этого «славянского проекта». Но где же находилось место их деятельности, и чем конкретно они занимались?

Возвращаясь к предшествующим обстоятельствам жизни Кирилла и Мефодия, следует остановиться на уходе двух братьев на гору Олимп в Вифинии, поскольку, вероятнее всего, там и была начата совместная подготовительная работа. В этой области, как уже было сказано выше, жили славяне, и вполне естественно, что подбор подходящих людей для руководимого Кириллом перевод-

ческого коллектива осуществлялся из их среды. Занятия Кирилла и Мефодия, связанные с книгами, о которых говорят составители их житий, должны быть истолкованы как первая попытка перевода священных текстов на славянский язык. Очевидно, существовала некая на скорую руку разработанная, но еще несовершенная азбука⁴⁶. Перед переводчиками была поставлена задача перевести Евангелие с греческого языка на славянский, для осуществления этого требовалось усовершенствовать языковое чутье людей, трудившихся под контролем ученого филолога Кирилла. Существуют два важные указания, подтверждающие предположение, что работа по осуществлению «славянского проекта» велась на Олимпе, ими трудно пренебречь. Первое указание заключается в том, что составитель *Жития Мефодия* (написанного в Моравии после 855 года), говоря о Полихрониевом монастыре, месте монашеских трудов Мефодия, при указании годового дохода монастыря и численности монахов, использует настоящее время, а не совершенное или несовершенное прошедшее⁴⁷. Это вполне может быть косвенным свидетельством того, что на протяжении всего времени миссии Кирилла и Мефодия в Моравии (с 863 по 885 г., а возможно и дольше) ближайшее окружение Мефодия поддерживало постоянную и непрерывную связь с исходным пунктом своей деятельности, т. е. с Полихрониевым монастырем⁴⁸.

Второе и достаточно важное наблюдение, которое все еще не

⁴⁶ При помощи довольно убедительных доводов И. Дуйчев (*Dujčev I. Văprosăt za vizantijsko-slavjanskite otnošenija I visantijskije opiti za sâzđavane na slavjanskata azbuka prez pärvata polovina na IX vek // Izvestia na Institutata za bălgarska istorija 7. 1957. S. 241—263*) доказывает свою точку зрения, что в Византии попытки создания славянской азбуки предпринимались задолго до ее создания Кириллом.

⁴⁷ въ монастыри... кмоуже ксть ꙗꙗ сьмѣра; ...а отецъ обиае ѿ въ немъ ксть. *Житие Мефодия* 4. Лавров 1930. С. 71; Флоря 1981. С. 96.

⁴⁸ Об пребывании Солунских братьев в Полихрониевом монастыре и их занятиях там с книгами см.: Львов А. С. О пребывании Константина Философа в монастыре Полихрон // Советское славяноведение 5. 1971. С. 80—86.

осмыслено достаточно глубоко, состоит в том, что в греческих словах, без перевода вошедших в старославянские тексты, наблюдается редукция согласных и некоторые другие фонологические особенности, которые, вместо того, чтобы свидетельствовать о влиянии северных греческих произношений, как, вероятно, следовало ожидать, напротив того, отображают фонологические особенности греческого языка Малой Азии⁴⁹. Как иначе можно объяснить присутствие в старославянских текстах греческих народных слов малоазийского происхождения, если те, кто работал над этими переводами, не происходили сами из районов Малой Азии?

Итак, на основании этих данных естественно полагать, что центр, где сложился круг людей, на который была возложена подготовка «славянского проекта», находился на горе Олимп в Вифинии. И вероятнее всего, как уже ранее было отмечено, здесь и находилась та область, где Мефодий в былые времена состоял на государственной службе в достоинстве *архонта*, или *комеса* Опсикия⁵⁰. Они трудились над переводом священных текстов с греческого языка на славянский, пользуясь при этом некоей черновой и находившейся в процессе постоянного усовершенствования азбукой. Отправляясь в Хазарскую миссию, Кирилл мог взять с собой и бывшие у него сырые переводы Евангелия и Псалтири, поскольку знал, что в окрестностях Крыма ему может представиться удобный случай встретить людей из рода руссов, т. е. тех, которые совсем недавно нападали на столицу. Таким образом достаточно легко и логично можно объяснить его встречу с человеком, говорившим по-русски, которому Кирилл поспешил *показать* перевод и попытался *научить* читать. Этот эпизод в Крыму непосредственно свидетельствует не о чем ином, как о стремлении оценить предварительные результаты своей переводческой деятель-

⁴⁹ Примеры таких заимствованных слов приводятся в статье: *Tachiaos A.-E.* Создание и деятельность литературного круга Константина-Кирилла до Моравской миссии // *Konstantin Kiril Filosof 1971*. С. 285—293.

⁵⁰ См.: *Tachiaos 1993. 1994*. P. 57—61.

ности людьми, трудившимися под руководством Кирилла над осуществлением византийского «славянского проекта»⁵¹.

Исполнение просьбы, изложенной в послании Ростислава, привело к новой переработке незавершенной пробной азбуки. На этот раз Кириллу удалось создать достаточно совершенную славянскую азбуку. Им были с полнейшей тщательностью учтены все фонетические особенности славянского языка. Если ранее, как сообщает болгарский писатель Храбр, славяне использовали черты и резы без какого-либо порядка, то теперь они получили свою собственную азбуку, составленную с тем расчетом, чтобы полностью соответствовать передаче звуков их языка. Азбука эта была названа «глаголицей» или, как принято называть, «глаголическим письмом»⁵². Это название происходит от славянского слова «глагол». Написание букв этой азбуки весьма своеобразно, совсем не похоже ни на один из ныне известных алфавитов. Достаточно экзотический вид послужил основанием для множества теорий и споров относительно происхождения глаголицы⁵³. Многие ученые, рассматривая по отдельности некоторые

⁵¹ Ср.: *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. I. Париж, 1959. С. 79; *Vernandsky G.* Ancient Russia. New Haven and London, 1964. P. 345—353; *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. Москва, 1956. С. 30—90; *Tachiaos 1993, 1994.* P. 61—71.

⁵² См.: *Συγάλας Α.* Ἱστορία τῆς ἑλληνικῆς γραφῆς. Θεσσαλονίκη, 1974. Σ. 318—319.

⁵³ Много было написано о создании глаголического письма и его предполагаемой связи с другими древними алфавитами, а также о том, что глаголическое письмо предшествовало кириллическому (лишь меньшинство ученых соглашается сегодня с мнением, утверждающим противоположное, что первой была создана кириллица). Соответствующую библиографию об этом ученом споре см. в основных библиографических трудах: *Ильинский Г. А.* Опыт систематической Кирилло-Мефодиевской библиографии. София, 1934. С. 101—113; *Роргу-енко М., Romanskij S.* Kirilometodievaska bibliografija za 1934—1940. Sofia, 1942. S. 69—74; *Можаева И. Е.* Библиография по Кирилло-Мефодиевской проблематике 1945—1940 гг. Москва, 1980. С. 87—98; *Dujčev I., Kirmagova A., Раупова А.* Kirilometodievaska bibliografija 1940—1980. Sofia, 1983. S. 90—96. Ознакомительный обзор по этому вопросу находится в статье: *Echhardt T.* Theorien über den Ursprung der Glagolica // *Slovo* 13. 1963. S. 87—117.

буквы, в которых ими усматривались определенные подобию буквам других, известных нам алфавитов, делали попытки доказать происхождение глаголического письма от какого-либо из последних. Так, в свое время были опубликованы теории его происхождения от грузинского, еврейско-самарянского, сирийского и целого ряда других алфавитов и письмен. Впрочем, ни одна из этих теорий не в состоянии дать удовлетворительного ответа на вопрос, каким образом и почему возник такой необычный алфавит.

Как составители житий Кирилла и Мефодия, так и другие старославянские источники отмечают, что Кирилл составил славянскую азбуку под непосредственным воздействием Божественного откровения. Таким образом, она почти сразу же была признана богоданной, в противоположность алфавитам других народов, заимствованным у соседей или составленным на основе какого-либо существовавшего прежде алфавита. Мудрому Кириллу, действительно, удалось создать нечто новое, значительно отличавшееся ото всего известного в ту эпоху. Выдающимся специалистом по русской палеографии Е. Е. Гранстрем была предложена теория, которая получила самое широкое научное признание и лишила смысла дальнейшее продолжение спора о происхождении глаголицы. Гранстрем доказала, что Кирилл, составляя славянскую азбуку, избирал для нее буквы из византийских криптографических алфавитов и из символов, употреблявшихся в магии, алхимии и других областях знания, находившихся так или иначе в поле зрения византийцев⁵⁴. Поскольку первая, довольно несовершенная славянская азбука была создана в эпоху императоров-иконоборцев, невозможно было ввести ее в данное время в Великой Моравии. Государство это все еще оставалось в церковной юрисдикции Рима, весьма ревностно относившегося к вопросам иконопочитания. Поэтому необходимо было создать для славян но-

⁵⁴ Гранстрем Е. Е. О происхождении глаголической азбуки // ТОДРЛ 11. 1955. С. 300—313.

вую азбуку, не похожую на прежнюю, благодаря Кириллу она быстро приобрела совершенно оригинальные и даже экзотические черты⁵⁵.

Но помимо азбуки, труднейшим делом для людей, работавших под руководством Кирилла, было создание для славян книжного языка, поскольку он у них совершенно отсутствовал. У народа, не имевшего духовного и культурного просвещения и образования, в языке не доставало отвлеченных понятий. Именно их и надлежало создать на славянском языке⁵⁶.

Первой книгой, переведенной Кириллом на славянский язык, был Евангелистариум, состоящий из евангельских отрывков, предназначенных для чтения в храме. Книгу эту открывало его вступление, в котором выдающийся филолог изъяснял свой подход к переводу. К сожалению, от этого текста, который, по всей видимости, первоначально был написан на греческом языке, сохранился

⁵⁵ Доверившись сведениям, заимствованным им из сомнительных источников XIII и XIV веков, Г. М. Прохоров возвращается к старой теории, в соответствии с которой *глаголица* была создана в Фессалониках в VII веке легендарной личностью из Каппадокии по имени Кирилл. Первоисточником для новой азбуки этому никому не ведомому Кириллу послужил коптский язык, из которого он, будто бы, заимствовал формы букв. См.: Прохоров Г. М. Глаголица среди миссионерских азбук // ТОДРЛ 45. 1992. С. 178—199.

⁵⁶ Основные работы по изучению вопроса о создании этого богатого лексикона, имеющего чисто греческое происхождение, следующие: *Jagić V.* Die slawischen Composita in ihrem sprachgeschichtlichen Auftreten // Archiv für slavische Philologie XX. 1898. S. 519—566; XXI. 1899. S. 28—43; *епо же.* Entstehungsgeschichte der Kirchenslavischen Sprache. S. 299—421; и далее *Schumann K.* Die griechischen Lehnbildungen und Lehnbeteutungen im Altbulgarischen. Berlin-Wiesbaden, 1958; *Zett R.* Beiträge zur Geschichte der Nominalkomposita im Serbokroatischen. Die altserbische Periode // SF 9. Köln-Wien, 1970; *Molnár N.* The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Texts. A Theoretical Examination of Calque Phenomena in the Texts of the Archaic Old Slavic Gospel Codices // SF 47. Köln—Wien, 1985. О греческих влияниях на синтаксис старославянского и древнерусского языков см.: Исследования по синтаксису старославянского языка / изд. J. Kurz. Прага, 1963; Ходова К. К вопросу о синтаксических грецизмах в древнерусском литературном языке // РВ XI. 1987/4. С. 41—54.

всего лишь один отрывок в старославянском переводе⁵⁷. Но даже по нему вполне можно уяснить себе цель, ради которой было написано вступление. В нем сообщалось о наиважнейшем начинании, первом в истории переводе Евангелия с греческого на славянский язык. Объяснение языковых и филологических особенностей этого труда предназначалось не столько для славян, сколько для имперских и патриарших властей, чтобы они поняли, каким образом такая богатая выразительными средствами речь могла быть переведена на простой и незатейливый еще славянский язык. Кирилл пишет: «Слова не были переданы слепо своими соответствиями. Потому что нам нужны были не [сами] эти слова и выражения, а их смысл. По этой причине, когда смысл на греческом и на славянском языках совпадал, мы передавали выражение тем же словом, но когда выражение было более пространным, или приводило к потере смысла, тогда, не теряя смысла, мы переводили его другим словом. Греческий, в переводе на другой язык, никогда не может быть передан одним и тем же способом, и это случается со всеми языками, на которые он переводится. Часто случается, что слово, изящное на одном языке, не таково на другом, и величественное на одном, не таково на другом, и имеющее важное значение на одном языке, не столь важно на другом... Поэтому не представляется возможным всегда следовать греческому выражению, но то, что должно всегда сохраняться, — это его смысл»⁵⁸. Вот какие объяснения давал Кирилл, приводя затем и примеры из обоих языков, чтобы показать значительную сложность этого дела и оправдать подход, примененный им в своей работе.

После соответствующих приготовлений весной 863 г. миссионеры отправились в Великую Моравию, взяв с собою подарки и послание императора Михаила III князю Ростиславу. Краткое изложение этого письма сохранилось в *Житии Кирилла*. Михаил заверял Ростислава, что Бог, видя его веру, «сотворил и ныне в

⁵⁷ Vaillant A. La préface de l'évangélaire vieux-slave // Revue des Etudes slaves XXIV. 1948. P. 5—20, и *его же*. Vaillant 1968. I. P. 63—64; II. P. 52—54.

⁵⁸ Vaillant 1968. I. P. 64.

наши годы —объявив буквы для языка вашего — то, чего не было дано (никому) после первых времен, чтобы и вы были причислены к великим народам, которые славят Бога на своем языке. И так тебе послали того, кому Бог объявил их, мужа честного и благоговейного, книжника и философа. Прими же дар, ценнейший и больший всякого серебра, и злата, и драгоценных камней, и всего преходящего богатства»⁵⁹. Итак, дар, посылаемый Византией славянам, был неподвластен тлению времени и ввел их раз и навсегда в круг культурных народов вселенной.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА⁶⁰

- Великая Моравия 1985* — Великая Моравия: ее историческое и культурное значение. М., 1985.
- Лавров 1930* — Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Ленинград, 1930. — Труды Славянской миссии. Т. I.
- Флоря 1981* — Флоря В. Н. Сказания о начале славянской письменности. Москва, 1981.
- Dittrich 1962* — Dittrich Z. R. Christianity in Great Moravia. Groningen, 1962.
- Dvornik 1933* — Dvornik F. Les lendes de Constantin et de Méthode vues de Byzance. Prague, 1933.
- Dvornik 1970* — Dvornik F. Byzantine Missions Among the Slavs. SS. Constantine-Cyril and Methodius New Brunswick, NJ, 1970.
- Grauss 1966* — Grauss F. L'Empire de la Grand-Moravie, sa situation dans l'Europe et sa structure intérieure // Das grossmährische Reich. Tagung der wissenschaftlichen Konferenz des Archäologischen Instituts des Tschechoslowakischen Akademie des Wissenschaften. Prague, 1966. P. 133—262.
- Havlík 1964* — Havlík L. Velká Morava a středoevropští Slované. Prague, 1964.
- Konstantin Kiril Filosof 1971* — Konstantin Kiril Filosof. Dokladi ot Simposiuma posveten na 1100-godišninata ot smárta mu. Sofia, 1971.
- Magna Moravia 1965* — Magna Moravia. Commentationes ad memoriam missionis byzantiniae ante XI saecula in Moraviam adventus editae. Opera Universitatis Purkynianae Brunensis. Facultas Philosophica 102. Prague, 1965.

⁵⁹ *Житие Кирилла* 14. Лавров 1930. С. 60; Флоря 1981. С. 87.

⁶⁰ В списке литературы указаны книги, цитируемые более одного раза.

ОТДЕЛ II. ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ

Tachiaos 1993, 1994 — *Tachiaos A.-E.* Some Controversial Points Relating to the Life and Activity of Cyril and Methodius // *СМ* 17, 18. 1993, 1994. P. 98—140.

Vaillant 1968 — *Vaillant A.* Textes vieux-slaves. Vols. I—II. Paris, 1968.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

BS = *Byzantinoslavica*. Praha, 1929—.

СМ = *Cyrrillomethodianum*. 1971—.

ММФН = *Magnae Moraviae Fontes Historici*. Brno, 1966—.

РВ = *Paleobulgarica*. Sofia, 1977—.

SF = *Slavistische Forschungen*.

ТОДРА = Труды Отдела древнерусской литературы Пушкинского дома АН.